

Панель 5

ВЕКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СДВИГОВ

Вопросы для обсуждения:

1. Роль культуротворческих групп в переходном обществе (проблема интеллигенции).
2. Сдвиги в ценностных приоритетах социальных групп.
3. Функции массовых коммуникаций в условиях социального слома: проблема массовой культуры.

*Ю.А.Левада,
доктор философских наук, ВЦИОМ*

Проблема интеллигенции в современной России

Как известно, проблема интеллигенции стала одной из центральных для истории, культуры и политики в России примерно полтора столетия назад. Еще Пушкин определил основные два измерения этой проблемы: "поэт и царь", "поэт и народ" (предполагается широкое понимание функции "поэта", но также и других вершин "треугольника"). Эта проблема всегда имела многообразные актуальные измерения. События последних дней (результаты выборов в Госдуму 12 декабря), как мне представляется, имеют самое прямое отношение к процессу изменения места интеллигенции в нашем обществе.

Вопрос о том, что происходит с интеллигенцией, не нов, уже несколько лет он ставится, например, в такой форме: что случилось с так называемой "перестроечной" интеллигенцией? Куда исчез тот голос, тот колокол, который пять—семь лет назад гудел, гремел, пробуждал — как казалось — страну? Остались те же люди, иногда они выступают, пишут, часто сами недоумевают по поводу происходящего — а голосов как будто не слышно. Многие из тех, кто будоражил и формировал общественное мнение во второй половине 80-х, говорят, что все пошло не так, не туда, хотя никто не может объяснить, почему так получилось. Перед нами кризис интеллигентского самосознания и самоопределения, кое в чем подобный наблюдавшемуся в 1909 г. в период знаменитых "Вех". Но кризис более глубокий, а значит, имеющий отношение к глубинным пластам нашего исторического и культурного существования. Или, иными словами, кризис, обнажающий фундаментальные устои общества. В прессе, на поверхности общественной жизни, сейчас почти такой же набор критических символов и

иллюзий, что и 80—90 лет назад: западники, почвенники, отрыв от народа, бездуховность и т.д. Но нет надежд на простые решения — они скомпрометировали себя.

Позволю себе использовать — только как иллюстрацию, как стимул для беспокойства и размышления — некоторые данные наших исследований. В чуть более спокойное время, в сентябре 1993 г., перед респондентами был поставлен вопрос: выражает ли сегодня интеллигенция интересы большинства народа? И мы (ВЦИОМ) получили ответ значительного большинства опрошенных, притом во всех социальных группах: "Нет, не выражает". Интересно, что такой ответ дают и слои, которые принято считать социальной базой интеллигенции (наиболее образованные), а особенно часто выражают такое мнение молодые люди, учащиеся. Несколько реже — наименее образованные люди. Так что здесь смешаны и критика, и самокритика, и отмежевание, а если брать самые общие оценки — то речь идет о негативной оценке, о девальвации самого термина "интеллигенция". Значит ли это, что прошли не только времена романтической героизации, но и времена идеологической (классовой, почвенной) критики интеллигенции; что пришло время "всенародного" отмежевания от нее?

Чтобы от примера перейти к более глубокому анализу проблемы, нужно очертить ее исторические рамки. Широко признано, что интеллигенция — исторический феномен российской жизни (в том числе, что очень важно подчеркнуть, российского общественного самосознания и самоопределения) XIX—XX вв., но никак не извечная категория социального устройства. В определенном смысле интеллигенция присутствует во всех модернизирующих обществах, выступает как важный агент модернизации. Различные страны были захвачены этими процессами в неодинаковых условиях, на различных этапах своего собственного развития. Россия была вовлечена в процессы модернизации на свой лад — сейчас неуместно разбирать это подробнее, — и это создало основу для появления особого, уникального феномена российской интеллигенции. Его никак не объяснить в терминах социальной структуры, как социальную группу с такими-то характеристиками и функциями — образование, просвещение, творчество и т.д. Феномен интеллигенции предполагает и морально-психологическую "нагрузку" (совесть, ответственность), и превращение социальной функции в миссию, почти сакральную: не просто обучать каким-то знаниям и ремеслам, но "нести свет", "хранить идеалы" и т.п. Реальные (объективистские) характеристики не существуют здесь без определенного способа интерпретации, понимания, приписывания, — как, впрочем, это бывает почти всегда с социальными феноменами.

Я уже упоминал, что тот контекст, в котором существует или может восприниматься феномен российской интеллигенции, — это треугольник (в определенном смысле, "магический треугольник"): власть — народ — интеллигенция. В нем все вершины связаны друг с

другом и просто не могут существовать одна без другой: они заданы некоторым общим представлением. Все это не "реальности" как таковые, а конструкты, компоненты определенного мировосприятия, и каждой вершине предписана миссия, без которой нет ни вершины, ни самого треугольника, а, значит, и остальных вершин. "Власть" наделялась мистическими чертами всемогущества, миссией универсальной заботы и универсального ключа ко всем социальным проблемам. "Народ" тоже ведь понимался как некая сакрально-социальная категория, как объект заботы, поклонения и страха. На интеллигенцию в этой схеме возлагалась функция хранения, распространения и трансляции универсальных культурных образов. И вот эта мыслительная схема, — конечно, имевшая свои глубокие исторические корни — задавала рамку движения всех основных направлений российской философско-социальной и философско-политической мысли (западной и почвенной, критической и апологетической, монархической и советской) в течение примерно полутора столетий. Именно в этих рамках интеллигенцию то осуждали, то оправдывали, то превозносили, то проклинали. И то, что называлось проблемой интеллигенции, на самом деле всегда было проблемой всего "магического" треугольника России модернизирующейся и сопротивляющейся модернизации.

Сегодня, как мне представляется, эта история закончена, т.е. рамка "треугольного" восприятия социальной действительности утратила силу. Это не осуждение, не оценка, это просто элемент анализа. Когда нынешние не вполне законные наследники почвенников пытаются судить интеллигенцию, а современные интеллигентные сторонники прогресса законно этим возмущаются, — спор продолжается на старом поле, в рамках того же "магического треугольника". Задача в том, чтобы из него выйти, поскольку рамка изжила себя.

Собственно говоря, "треугольник" был практически преодолен давно, на заре советского периода, в первое его десятилетие, хотя классическая мыслительная схема (или мифологема) существовала и даже порождала иллюзии относительно возможности вернуться к старым рамкам. Были прекрасные, достойные, интеллигентные люди, но не было интеллигенции как особого феномена и особого фактора социального действия. То, что официально именовалось интеллигенцией — то ли слой образованных специалистов, то ли допущенная к вершинам славы верхушка этого слоя, — фактически оставалось придатком и оружием государственного механизма. Как в тоталитарном обществе не существовало и "власти", обособленной от социальной иерархии. Как не было и "народа" как особого субъекта существования. Интеллигенция, наряду с двумя другими вершинами "треугольника", продолжала лишь воображаемое, фантомное существование. Когда-то В.Белинский горевал: у нас есть литераторы, но нет литературы. Можно было сказать (и повторить сегодня вновь), что у нас еще оставались интеллигенты, но не осталось интеллигенции.

Притеснения, о которых много написано, и приспособленчество, о котором пока сказано мало, сыграли свою роль в том, что была прер-

вана нить традиции. Но решающим, конечно, был другой фактор: исчерпала себя роль просветителей, культуртрегеров. Соответствующие функции приобрели массовые обыватели, институциональные формы (массовая школа, а потом и СМК).

На советскую, фантомную интеллигенцию (согласно "треугольной" мыслительной схеме) возлагалась функция привнесения более цивилизованных форм в отношения "власть — народ", хотя скорее всего достигалась лишь видимость цивилизованности, притом в интересах власти. "Треугольник" никогда не был равносторонним: во все периоды отечественная интеллигенция, служившая и оппозиционная, оказывалась близкой власти, зависимой от нее и заинтересованной в том, чтобы с помощью хамской и нецивилизованной власти защититься от еще более хамской толпы. Знаменитая фраза М.Гершензона (из "Вех") о том, что "мы", интеллигенты, вынуждены быть благодарны власти за то, что она с помощью своих штыков ограждает нас от народа, сохранила свое значение и в последующие времена.

Сейчас, по понятным причинам, много тревожного говорят о политическом популизме, одна из сторон которого всегда и везде состоит в том, чтобы натравить разъяренную толпу на интеллигентные группы, на институты цивилизации. Этот популизм был присущ советской, большевистской политике и идеологии во все ее времена — и в начале 30-х, когда провозглашалось общее наступление на "чуждые" элементы, и позже, в годы более селективных репрессий и поощрения "полезной" образованной прослойки. В советском варианте насилие "от имени народа" неизменно служило прикрытием насилия над народом.

Чем дальше от нас период разрушения этой системы — годы гласности и перестройки, — тем важнее разобраться в его реалиях и иллюзиях. Это годы взлета надежд и самообмана, в частности и не в последнюю очередь — относительно интеллигенции и ее роли. В некотором смысле, гласность оказалась лебединой песней советской интеллигенции. Здесь, как мне кажется, было три главных иллюзии или "пучка" иллюзий.

Во-первых, о том, что наконец появилась долгожданная разумная и добрая власть — надежда всех отечественных мечтателей, в том числе и критически настроенных (диссидентов, например). Воплощением этой широко распространенной иллюзии был М.Горбачев, особенно в 1987—1989 гг.

Во-вторых, иллюзия о том, что в такой стране, как наша, (СССР — Россия) возможны разумные, плавные, хорошо запрограммированные перемены. Прямое их продолжение — современная полемика вокруг "шоковых" методов реформ.

И в-третьих, иллюзия относительно собственной (интеллигентской) роли в происходящем. Казалось, что "вольнотпущенная" интеллигенция может стать советником власти, соучастником принятия решений, автором спасительных программ и т.д. Этого не получилось. И не только потому, что вчерашних вольнодумцев

использовали не столько как советчиков, сколько как декорацию власти. Никаких программ не существовало, а благими пожеланиями и честными намерениями их нельзя было заменить. Где-то к 1990 г. стало ясно, что "разумная" перестройка зашла в тупик вместе со всем набором своих иллюзий. Началась эпоха кризиса интеллигентского духа, эпоха нарастающего разочарования и даже отчаяния. События шли своим чередом, массовые настроения испытывали какие-то волнообразные колебания, а кризис духа нарастал практически непрерывно. Его ступени можно обозначить тремя датами: конец 1991-го (конец Союза) и дважды в 1993-м (сентябрь и декабрь).

В золотые годы гласности на гребне волны была небольшая группа — несколько десятков, может быть, сотня-другая людей, как будто способных зажигать залы "клубных" собраний и питать воображение читателей прогрессивных журналов. Если перечитать сегодня статьи и сборники, которые играли самую возбуждающую роль в те прекрасные времена, видно, что дело было не столько в таланте авторов и богатстве их идей, сколько в состоянии общественной атмосферы. Атмосфера изменилась, иллюзии угасли. Пресса, недавно будоражившая общественное мнение, заполнена тоскливыми lamentациями, которые формируют не слишком приятный общественный фон. Сами по себе они, правда, не слишком заметны: нет ни изданий, ни авторов, выступления которых — с самой резкой критикой или самыми пылкими призывами — могли бы вызвать взрыв общественного интереса, как это бывало семь—восемь лет назад. Упадок тиражей и интереса к печатному слову, отсутствие "властителей дум", духовных авторитетов — признаки того, что кончилась эпоха общественных иллюзий, как старых, так и обновленных ожиданиями перестройки.

Одна из составляющих этого, в общем-то, неизбежного, процесса — изменение рамок движения общественного мнения и переоценка той "треугольной" схемы, о которой шла речь выше. События последних недель (потрясения, связанные с новым парламентом и новым кризисом реформаторского движения) можно рассматривать именно в этом плане: интеллигенция больше не способна формулировать универсальный образец ориентации, власть больше не делает вид, что претворяет в жизнь этот универсальный образец, а народ больше не делает вид, что следует за мудрым руководством. Это значит, что все вершины "треугольника" утратили свое содержание, и схема лишилась смысла. Об этом можно сожалеть или не сожалеть, но придется понять, что произошли существенные и необратимые изменения. Как бы ни оценивать иллюзии и реалии прошлого, вернуться к ним, по-моему, уже нельзя. Как ни далеко нам до "европейской" модели общества, как ни сложны переходные или фальшивые модели, между которыми нам, по всей видимости, придется долго плутать.

В "европейской" общественной модели нет пресловутого треугольника и соответствующей ему мифологии, в том числе и интеллигентской. (Потому и специфична российская интеллигенция.) Западного

интеллектуала отличает от нашего (не забудем, фантомного) интеллигента прежде всего независимость: он не из obsługi государства, а из независимого слоя, стоящего на собственных ногах, опирающегося на капитал своего знания, квалификации, таланта. Во-вторых, этот слой очень престижный и в смысле своих доходов, и в смысле статуса в обществе. И, наконец, это слой людей глубоко специализированных; это профессионалы своего дела, а не просто "интеллигентные люди", не просветители и не учителя жизни. В начальных классах школы бывают "учителя вообще", они же воспитатели, носители неисполненных родительских функций и пр.; в старших нужны специалисты.

Все это вещи известные, банальные. Не менее банальны и доводы в духе того, что это "не для нас" — по причине либо недоступности, либо бездуховности, безнравственности и пр. Не место и не время дискутировать в такой плоскости, тем более при помощи отдельных примеров. "Взрослая" модель общества всегда сложна, в частности, потому, что не допускает перенесения нравственной ответственности на "старших". Хотим мы того или нет, примерять придется какую-то из моделей "взрослого" общества с его разделением государственных функций и перенесением нравственной ответственности на уровень личности.

Драма российского общества и драма тех, кто считают себя интеллигентами, разворачивается на мучительно долгом переходе от инфантильности к зрелости.

Это относится и к сдвигам, которые стали очевидными в последние месяцы и проявились во время парламентских выборов. Голосование 12 декабря 1993 г. отличалось от голосования 25 апреля того же года не только результатами, но, как мне кажется, и характером действующих сил. В апреле еще сработала традиционная "советская" схема массовой поддержки власти со стороны народа (и не без помощи прогрессивной, т.е. поддерживающей реформы, интеллигенции). Надежда и привычное послушание суммировались в положительном для президента результате. Ориентация на эту схему, надо сказать, подвела нас и других исследователей, которые полагали, что колебавшаяся часть населения ко дню выборов расшевелится и проголосует велед за авангардом. Этого не случилось, произошло иное — мобилизация заметной части молчаливого большинства населения вокруг лозунгов радикального национал-популизма с фашизоидными "чертами лица". Критическая, даже агрессивная мобилизация — феномен новый, невиданный в нашей политической истории после 1917 г. В ее основе — разрыв того традиционно-советского и державшегося до последнего времени механизма массовой мобилизации, который когда-то называли "морально-политическим единством советского общества". В этот разрыв проникает новая угроза, новая социальная сила — агрессивно-организованная толпа. Нечто, подобное "восстанию масс", о котором писал Х.Ортега-и-Гассет.

Насколько серьезна и насколько долговременна эта угроза? В значительной мере это зависит от того, кто и что ей противостоит, как уравниваются общественные силы. Мы знаем, что в более или менее устойчивом, сбалансированном обществе 10—20% голосующих за каких-то экстремистов, авантюристов — довольно обычное явление, ничего страшного в этом нет. У нас же нет устойчивых социальных институтов, а те политические силы, которые как будто должны перевесить всякую "жириновщину", оказываются в состоянии растерянности и раскола. Это стало очевидно сейчас, но в действительности это не новое явление. В некотором смысле мы сейчас столкнулись с тем, чего заслужили, — неумением, неорганизованностью, растерянностью и, хуже того, податливостью в отношении очень опасных тенденций. Одна из них — квазипатриотическая. Интеллигенцию в России всегда считали носителем универсальных ценностей цивилизации, ее бранили (и в 1909, и в 1949 гг. и пр.) за космополитизм, отрыв от почвы. Сейчас мы наблюдаем, что дух обиженно-агрессивного патриотизма получил очень широкое распространение в обществе, в том числе среди наиболее образованных его слоев, среди молодежи, учащихся. И нет такой элитарной среды или группы, которая взяла бы на себя смелость громко предупредить общество о том, что это опасно. Соблазн "этнических чисток", соблазн силовых решений в обществе — во всех его группах, буквально во всех нынешних политических блоках — весьма силен. Это особая проблема, которая требует своего анализа. Понятно, что дезориентация тех, кто именует себя демократами, открывает двери самым темным и авантурным силам. Если демократия не имеет своей культурной и нравственной элиты, она вырождается в охлократию, в диктатуру политического авантюризма, который использует и мобилизует толпу.